

Как бы Гоудань ни пытался объяснить, откуда берется мясо, Ли Сы было не до расспросов. Помимо работы в поле, нужно было помогать на похоронах: соседи покойного должны были приложить руки, таков уж неписанный закон. Женщины в доме не водилось, так что Ли Сы сам отмерил чашку риса и понес скорбящим. Каждый, кто приходил выразить соболезнования, приносил с собой немного зерна — с миру по нитке, и семье полегче справить тризну, да и те, кто помогал по хозяйству, могли рассчитывать на горячую похлебку. В этой крестьянской взаимовыручке и крылась простая деревенская душевность.

Хоть в последние годы и призывали повсюду к бережливости да упрощению обрядов, законы эти писались скорее для городских. В деревне же все шло своим чередом, по старым обычаям. Нельзя ведь ради мнимого удобства совсем растерять вековые устои?

Похороны эти в деревне почитали за «счастливые» — покойная старушка тихо отошла в мир иной от глубокой старости. Она много лет пролежала разбитая параличом, но дети и внуки её не бросили, выхаживали как могли. Да только возраст взял свое: от долгого лежания плоть совсем усохла, и под конец, как ни старайся, от человека остались лишь кожа да кости.

— Дачжуан уже который день в школу не ходит, — задумчиво протянул Гоудань. — Думаешь, он теперь совсем учебу забросит?

— Не забросит, — покачал головой Ван Сюань. — Наоборот, теперь и его младшая сестра сможет в класс ходить. Раньше-то ей приходилось целыми днями у постели прабабки дежурить, ни на шаг не отлучишься.

В деревнях от детей естественную кончину стариков никогда не таили. К гробу близко подпускать не подпускали, но постоять в сторонке да поглядеть не запрещали. Гоудань, как и любая детвора, сгорал от любопытства. Стоило раздаться поминальному плачу, ребятня тут же сбегалась посмотреть. Иные, особо жалостливые, слушая чужие причитания, и сами утирали слезы. Те, кто посмелее да почище сердцем, ухитрялись даже хихикать да толкать друг друга под бок. Если мелюзга подбиралась слишком близко, взрослые сердито махали руками, прогоняя их, и орава улепетывала, чтобы снова глазеть на происходящее издали.

Страх, конечно, никуда не девался. Но чем страшнее было, тем сильнее тянуло подсмотреть. Днем-то ладно — бегаешь себе и горя не знаешь, а как стемнеет, так на улицу до ветру без отца и носа не высунешь.

Ван Сюань в этих делах был куда опытнее Гоуданя. Он помнил, как умерла бабушка, хотя тогда он был совсем крохой и мало что соображал. Но вот когда не стало матери, он уже подросток и все запомнил до мельчайших подробностей. Поначалу малец не мог взять в толк, что стряслось, но через несколько дней, так и не дождавшись мамы, все понял. К тому же тетка его, Ван Хэймэй, за языком никогда не следила и цедила всякие гадости, так что мальчик слишком рано познал, что такое смерть.

Гоудань же, несмотря на всю свою бойкость и озорство, с настоящим горем еще не сталкивался. Из всех разлук на его долю выпал разве что побег матери. Но одно дело, когда

человек просто ушел и не показывается, и совсем другое — вечный покой. Хотя в семействе Ли её давно помянули как покойницу.

С наступлением сумерек Гоуданю становилось не по себе. Их изба стояла на самом отшибе деревни Сикань, до ближайшего дома старой тетушки было не меньше сотни метров. По ночам деревья отбрасывали причудливые колышущиеся тени, сухой бурьян зловеще шуршал на ветру, отчего казалось, будто обитаемый мир отодвинулся еще дальше, а вокруг сгустилась пугающая пустота. Мальчишка ни шагу не делал без провожатого: просил выйти с ним то отца, то Ван Сюаня. Кто бы мог подумать, что этот отчаянный парень до дрожи боится призраков!

Взрослые лишь посмеивались над его страхами. Сколько ни тверди с трибун про научное мировоззрение, в народе все равно верили в потустороннее. Живой человек — это одно, а мертвец, обратившийся в бесплотный дух, — совсем другое. У каждого в душе нет-нет да и шевельнется робость. Даже если совесть твоя чиста и худых дел за душой нет, перед неведомым миром духов человек всегда испытывает невольный трепет.

— Не бойся, брат Гоудань, я с тобой, — успокаивал его Ван Сюань. — К тому же Дачжуану сейчас куда страшнее должно быть. А наш дом далеко, сюда ни один призрак не доберется.

— П-правда? — Гоудань попытался напустить на себя храбрости. — Да я и так... не особо боюсь.

С этими словами он с головой залез под одеяло и настойчиво протянул ладонь из своего укрытия, требуя, чтобы Ван Сюань крепко держал его за руку и ни в коем случае не отпускал. Почувствовав тепло чужих пальцев, он утихомирился и вскоре крепко уснул.

Гоудань-то уснул, а вот маленький Ван Сюань долго лежал с открытыми глазами. Ему вдруг вспомнилась покойная матушка. В его памяти она осталась ласковой и доброй. Когда его не с кем было оставить дома, она брала его с собой в поле, сажала на меже под тенью одинокого дерева и уходила работать, а закончив, забирала обратно.

Она часто шептала ему: «Не приставай к отцу, ему нужно учиться». И Ван Сюань послушно держался от него в стороне. Каков его отец с лица, мальчик уже и не помнил — в памяти отпечатался лишь высокий, худой силуэт со спины да неизменно чистая, отутюженная одежда.

Осознание того, что и образ родной матери постепенно стирается из памяти, отозвалось в груди Ван Сюаня щемящей тоской.

Наутро по дороге в школу Ван Сюань шел вялый и сонный. Гоудань истолковал это по-своему.

— Я же вижу, что тебе тоже боязно, — с видом умудренного опытом старшего брата произнес он. — Сегодня ложись пораньше, а я тебя караулить буду.

— Ладно, — зевнул Ван Сюань, не став ничего объяснять.

Почему-то в этот раз именно Гоудань вел друга за руку. Обычно бывало наоборот: Гоудань допоздна засиживался за своими тайными «занятиями» в пространственном кармане, перевозбуждался, а наутро плелся, засыпая на ходу. Тогда Ван Сюань бережно вел его, следя, чтобы тот не споткнулся и не забрел спросонья в чашу.

Ван Сюань не сопротивлялся и послушно шел следом. Другие деревенские ребята к этому привыкли и не находили в такой дружбе ничего странного. Мальчишки ведь всегда найдут повод для забавы: то один другого на закорках тащит, то наоборот. Так что на то, что они держались за руки, никто не обращал внимания.

Вот если бы за руки держались мальчик и девочка, их бы непременно подняли на смех, дразня «женихом и невестой» да «сладкой парочкой». А двум пацанам такие глупые шутки не грозили.

Дачжуан учился во втором классе. Он не появлялся на занятиях уже три дня, и после уроков его классная руководительница перехватила Гоуданя, чтобы передать домашнее задание.

— Гоудань, я знаю, что вы часто играете вместе с Дачжуаном. Занеси ему тетрадь. Я вложила туда записку с номерами страниц и упражнений, которые нужно сделать за эти дни.

— Ну... ладно, — нехотя буркнул Гоудань, забирая тетрадку.

— Что еще за «ладно»? Ну и упрямый же ты малец! Вы ведь друзья-товарищи, трудно товарищу помочь, что ли?

Учительница ласково потрепала Гоуданя по затылку. Голова у него была круглой, с забавным бугорком, гладить её было одно удовольствие.

Гоудань уклонился от ладони и буркнул:

— Мы пошли.

Он быстро зашагал прочь. Ван Сюань вежливо попрощался с учительницей и поспешил следом за другом.

— До чего же у второклассников учительница хорошая, — вздохнул Ван Сюань, когда они пошли дальше. — Добрая, ласковая. И почему нам такой не досталось? Говорят, её эти оболтусы до слез доводили, пока её ухажер не пришел да не пригрозил им хорошенько.

— Ничего, скоро и мы к ней попадем. В следующем году перейдем во второй класс, — с предвкушением улыбнулся Ван Сюань.

— Рано радуешься, — осадил его Гоудань. — Говорят, её жених на почте работает, они скоро свадьбу сыграют. А как замуж выйдет, разве останется в школе? Помнишь ту учительницу из образованной молодежи? Стоило ей выскочить замуж, как она тут же работу бросила.

По мнению Гоуданя, женщины-педагоги были во сто крат ласковее мужчин, вот только замуж выходили слишком быстро и увольнялись. Чистое наказание!

— Да никто работу не бросал, — возразил Ван Сюань. — У неё просто ребеночек родился, вот она и ушла в отпуск. Подрастет малыш, и она вернется уроки вести.

— Скажешь тоже! — фыркнул Гоудань. — Если бы она не ушла с головой в семейную жизнь, у нас бы сейчас классным руководителем не назначили этого изверга Лао Чэня! Ты посмотри, сколько ребят он за этот семестр перенаказывал, скольким подзатыльников надавал!

Вспомнив, сколько раз ему самому приходилось стоять наказанным у доски, Гоудань только зубами заскрипел от досады.

Остальные мальчишки дружно закивали. Общий враг всегда объединяет, так что всю дорогу до деревни орава увлеченно перемывала косточки грозному учителю.

Как только ребята вошли на окраину села, Гоудань вытащил из сумки тетрадку Дачжуана.

— Дафу, ты ведь по соседству с Дачжуаном живешь? Занеси ему домашку по пути.

Дафу на мгновение замялся, но спорить не стал:

— Ладно, занесу.

Против очевидного не попрешь — их дома действительно стояли забор к забору.

— Вернусь домой, бабушку попрошу отдать.

— Вот и отлично. После обеда заходи за нами, вместе в школу двинем!

Попрощавшись с товарищами, Гоудань и Ван Сюань свернули к своей избе. Убедившись, что никто их не слышит, Ван Сюань лукаво прищурился:

— Признайся, брат Гоудань, ты ведь просто трусил идти к Дачжуану в дом?

—...

Гоудань лишь молча надулся, сделав вид, что безумно занят разглядыванием дороги.

Лето промелькнуло незаметно, и вот уже осень близилась к концу. Урожай в этом году выдался средний — ни богато, ни скудно. Впрочем, крестьянам в этих краях круглый год приходилось затягивать пояса потуже. Лихорадило из года в год одинаково: голодали перед летней жатвой, голодали перед осенним сбором урожая, а уж ранней весной и вовсе зубы на полку клали. Сытых дней в деревне отродясь не видели.

Гоудань и Ван Сюань теперь понимали друг друга с полуслова. Ли Кай, которому пошел одиннадцатый год, заметно вытянулся. Он окреп, стал стремительным и ловким. Длинноногий, увертливый, он вихрем носился по лесу, и мелкая дичь редко уходила от его ловушек. Разумеется, на крупного зверя вроде дикого кабана в дебри они соваться не решались, промышляя лишь по мелочи.

За эту осень Гоудань не раз возвращался с добычей. Благодаря сонным снадобьям, которые искусно смешивал Ван Сюань, и помощи верных Дагуай и Сяогуай под потолком амбара выстроились длинные гирлянды сушеного крысиного мяса. Мешки для зерна стояли пустыми — в них хранили лишь сушеные овощи, редьку да побеги бамбука, зато на балках помимо вяленых лесных крыс красовалась дикая курица и две приличные заячьи тушки. Судя по этим мясным богатствам, хозяйство Ли Сы могло считаться одним из самых зажиточных в деревне.

Гоудань душой ратовал за то, чтобы съесть добычу сразу. Но Ли Сы, который крайне редко совался в домашнее хозяйство, проявил завидное упрямство и настоял на своем — беречь про черный день. Он ворчал: «Где это видано, чтобы простые люди каждый месяц мясо трескали? Баловство одно! Переведи все на солонку, высуши да припрячь, зимой по крохам подъедать станем».

Старик видел, что у парня есть редкий дар к охоте, и с гордостью говаривал:

— Был в наших местах старый охотник в прежние времена. Из тайги никогда с пустыми руками не возвращался. Мы тогда мальчишками были, глядели на него как на божество. Коли ты хоть половину его сноровки переймешь, горя в жизни знать не будешь.

Гоудань же от вида этих аппетитных тушек только слюной исходил. Натура у него была не чета отцовской — копить он не умел и не любил, ему непременно нужно было умять все здесь и сейчас, чтобы брюхо радовалось.

Приноровившись, мальчишки стали хитрить. Самую сочную добычу они запекали на костре прямо в лесу, а излишки прятали в волшебное Сокровище — там припасы могли лежать вечно и не портились. Домой же они приносили лишь малую часть — пару жирных полевок или белок. Благо, наевшись за осень сладких лесных ягод и спелых семян, зверье нагуляло отменный жирок.

Ли Сы, глядя на то, как мясные запасы под потолком не только не убывают, но время от времени даже пополняются, не мог нарадоваться на сына: слушается, малец, бережет добро.

Только экономией да расчетом и можно в люди выбиться. Вон, прежние помещики разве не так свои богатства наживали? Из поколения в поколение копеечку к копеечке складывали, пока внуки в шелках ходить не стали.

Опустевшие сусеки и тощие мешки с зерном по-прежнему тревожили душу крестьянина, но вид лоснящихся вяленых тушек под крышей приносил хоть какое-то утешение в преддверии долгой зимы.

<http://bllate.org/book/19654/1996722>